

стоевский был в Турине (28₂, 53). Следовательно, их совместное пребывание в Берлине в течение двух суток¹⁰¹ исключается.

Следующая запись Сусловой, касающаяся Достоевского, сделана уже в Париже.¹⁰² Аполлиария Прокофьевна отправляет в Гомбург деньги, которые Достоевский может получить только через два дня, поэтому уезжает он из Гомбурга не раньше 17/29 октября. Теперь уже путь его лежит в Россию. Но денег, присланных Сусловой, не хватает, и он в Дрездене, вероятно, занимает у А. К. Толстого нужную ему сумму, о чем известно из письма Достоевского из Петербурга неустановленному лицу, которое также было кредитором Достоевского (28₂, 59).

В Дрезден Федор Михайлович приезжает не ранее 18/30 октября. Отсюда до границы с Россней более суток. Около 20 октября/1 ноября Достоевский пересекает границу Пруссии с Россией, минуя сначала Эйдкунен, а затем Вержболовскую таможню, о чем в его паспорте делается запись.

Через сутки Достоевский был в Петербурге. Его второе заграничное путешествие закончилось в двадцатых числах октября. Как и первое, оно длилось два с половиной месяца.

Идея использовать заграничный паспорт Достоевского для определения хронологии путешествия за границу в 1862 г. и уточнения деталей заграничного путешествия 1863 г. принадлежит Борису Варфоломеевичу Федоренко, которому авторы приносят свою благодарность.

А. Л. БОГЕН

ДОСТОЕВСКИЙ И ГРИБОЕДОВ

(дополнение к комментарию)

В декабре 1876 г. Достоевский задумывает статью о сатире. Наброски к ней содержатся в рабочей тетради 1876—1877 гг. Особенно много в ней записей, относящихся к Грибоедову и к «Горю от ума». Еще в главе «Культурные тупики. Повредившиеся люди» («Дневник писателя», апрель 1876 г.) Достоевский отмечает, что «Горе от ума» сильно «своими яркими художественными типами и характерами». Однако когда «Грибоедов, оставляя роль художника, начинает рассуждать сам от себя», он «понижается до самого незavidного уровня». А потому «нравоучения Чацкого несравненно ниже самой комедии. . .» (22, 106).

Теперь, через несколько месяцев, в записях, относящихся, видимо, к декабрю 1876 г., взгляд Достоевского на комедию Грибоедова и на образ Чацкого несколько изменился или, точнее, выразился полнее и конкретнее.

¹⁰¹ Там же. С. 28.

¹⁰² Там же. С. 66.

Вот характерный пример: «— Тот черномазенький, он турок или грек.

Все мировоззрение, все чувства этого мелко-желчного человека в этом выражении» (24, 303).

В приведенном замечании о Чацком вместе с характерной для автора «Дневника писателя» отрицательной оценкой этого героя отмечается умение Грибоедова найти верный художественный образ, в одном выражении показать «все мировоззрение», «все чувства» человека. Не случайно Достоевский, приводя (не вполне точно) слова Пушкина о Чацком: «Но кому это он все говорит, это непростительно!» — замечает: «Напротив, напротив, он не мог бы иначе, это художественно, и он вполне себе верен. В своем мирке» (там же). Здесь Чацкий оценен Достоевским исторически — как тип «петербургского периода» русской истории. Его недостатки Достоевский связывает не с художественным несовершенством образа героя грибоедовской комедии и не с ложностью ситуации, в которую поставил его автор, а со своею оценкой места в русской истории дворянства западнического толка. (Вспомним, что в 1875 г. создан роман «Подросток» с образом Версилова, сближенного духовно с Чацким.) И в записной тетради 1876 г. Достоевский подчеркивает, что «Грибоедов выставил Чацкого положительно, тогда как надо бы отрицательно» (там же).

Анализ замысла статьи о сатире чрезвычайно важен для понимания ряда аспектов эстетических взглядов Достоевского в 1870-х гг.¹ Но не менее важно и то, что Достоевский этот замысел не осуществил. Вместо него он задумал статью о Грибоедове: через несколько страниц после «Программы декабрьского дневника» в записной тетради 1876—1877 гг. есть запись: «Я хочу ввести критику, разберу „Горе от ума“» (24, 307). Позднее не осуществленную в 1876 г. статью о Грибоедове Достоевский включил в программу задуманного пм в конце 1877 г. «Дневника писателя» на 1878 г. (26, 175): «Критическая статья (хотя бы о Грибоедове, то есть не все о текущем)».

В конце наброска 1876 г. «IV. Сюжеты для романов» после рассуждения об отрицательной литературе Достоевский пишет, что особенно смешно и нелепо выглядят попытки некоторых «отрицательных» писателей все-таки найти свой собственный положительный идеал: «А догадаются из них поумнее — так еще хуже. Начнут выставлять идеалы положительной красоты, начнут одевать голого человека — и что только тут у них выходит! Какие лица, какие образы: все нелепо, безумно смешно, куклы вместо людей» (22, 152). Примерно через год он повторяет ту же мысль: «У нас сатира боится дать положительное, Островский хотел было. Гоголь ужасен. Но Грибоедов дал. Весь Чацкий (и уродство комедии) — затем *Алеко*» (24, 304). И далее: «Новейшая сатира и не хочет пощечины, предположение мерзавца. Островский, — но он мало сказал.

¹ См.: Борщевский С. Щедрин и Достоевский. М., 1956. С. 295—300; Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 163—164.

Указывать начали на Грибоедова. Да, это наивное время всё сказало, — Чацкий положительный тип» (24, 307).

Однако здесь-то, по мнению Достоевского, и заключается несостоятельность Грибоедова и всей либеральной традиции, которую он представляет. «Остроты Чацкого не остроты, а дерзости. Да так и должно быть: он преследует не сущность дела, а лишь лица, бранится с ними и говорит им личности» (24, 304).

«Доволен Чацкий малым. Свежо предание, а верится с трудом — то есть он и не замечает, что и теперь точно то же. Не в той форме, не в том мундире — вот для него уж и разница. Мелко плавает. Основной сущности зла не понимает» (24, 303).

Можно предположить, что естественным продолжением этой цитаты (или, точнее, идеи, выраженной здесь) должен быть отрывок, находящийся в тетради 1876—1877 гг. на другой странице: «Эта наивность, не замеченная Грибоедовым, то есть Грибоедовым вместе с Чацким, считавшаяся обоими за заслугу или добродетель. О, другое дело, если б Грибоедов вывел эту драгоценную черту мелкого характера как художник, сам сознавая ее мелочь и комизм, но выводящий ее как реальную правду... Но тогда всё положительное в типе Чацкого должно бы было исчезнуть, а Грибоедов выводил прямо, торжественно положительный тип, страдальца не от себя, а от общества, почти идеал человека, которому бы надо быть» (24, 304).

Исследователями уже отмечалось, что в одном из приведенных выше набросков к статье о сатире Достоевский противопоставляет Чацкому Алеко. Противопоставление это идет по линии отношения автора к своему герою. «Грибоедов выставил Чацкого положительно, тогда как надо бы отрицательно». Пушкин же показал как раз несостоятельность Алеко, его несоответствие идеалу, а тем самым указал и на сам идеал. Л. М. Розенблюм обратила внимание на запись Достоевского: «NB. Алеко — убил. Сознание, что он сам не достоин своего идеала, который мучает его душу. Вот преступление и наказание. (Вот сатира!)» (24, 303).²

Но есть в записной тетради 1876—1877 гг. запись, в которой герой Пушкина непосредственно противопоставляется герою Грибоедова: «Но вот Алеко убил, что ж вы думаете, он будет кричать: „Пойду искать по свету. Карету мне, карету“. Дескать, люди виноваты, не я. Или, лучше сказать, Москва виновата. Нет, Алеко остается» (там же).

Сознание своего несоответствия идеалу делает Алеко подлинно трагической фигурой, но именно соединение сатиры с трагедией и выражает, по мнению Достоевского, подлинную народную правду, которой и достигает Пушкин. «NB. Алеко. Разумеется, это не сатира, а трагедия. Но разве в сатире не должно быть трагедии? Напротив, в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира — две сестры и идут рядом и имя им обеим, вместе взятым: правда» (24, 305).

² Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. С. 164.

В 70-е гг., а особенно в 1879 г., в связи с 50-летием со дня смерти Грибоедова, в русской периодике появилось довольно много материалов о нем, прежде всего биографического характера. И можно предположить, что теперь внимание Достоевского должна была привлечь к себе и личность Грибоедова, в то время как раньше его интересовало по преимуществу творчество драматурга. Среди записей Достоевского 1880—1881 гг. по крайней мере дважды повторяется фраза: «Комедия Грибоедова гениальна, но сбивчива» (27, 44, 87). И вновь здесь встречается рассуждение о Чацком как о человеке, вся идея которого «в отрицании прежнего, недавнего наивного поклонничества» (27, 97). Но отразился ли усилившийся к концу жизни Достоевского интерес к личности Грибоедова в его творчестве? Оказывается, что да.

В романе «Братья Карамазовы» в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» есть одна фраза, смысл которой на первый взгляд не совсем ясен. Всячески кривляясь, Черт говорит Ивану: «Я вот думал давеча, собираясь к тебе, для шутки предстать в виде отставного действительного статского советника, служившего на Кавказе, со звездой Льва и Солнца на фраке, но решительно побоялся, потому ты избил бы меня только за то, как я смел прицепить на фрак Льва и Солнце, а не прицепил по крайней мере Полярную звезду или Сириуса» (15, 81—82). То, что в упоминании Полярной звезды есть намек на литературный альманах декабристов, известно и отражено в комментарии в академическом издании (15, 594). Однако почему оно здесь в таком контексте?

Между тем, если соотнести эту фразу с фактами жизни Грибоедова, выявится, на мой взгляд, некий скрытый смысл, суггестивный план, который, как правило, есть во всех «темных местах» у таких писателей, как Достоевский.

Служба Грибоедова на Кавказе — факт известный. С Кавказом связаны не только значительная часть жизни Грибоедова, не только его дружеские и интимные связи (в том числе женитьба на Нине Чавчавадзе), но и грандиозные честолюбивые замыслы (проект «Российско-Кавказской кампании»). Персидским орденом Льва и Солнца Грибоедов был награжден во время своей первой поездки в Персию в 1818—1821 гг. Наконец, незадолго до смерти, вместе с последним назначением в Персию, Грибоедов был произведен в неочередной чин статского советника. Это означало, что если бы он вышел в отставку, то вышел бы по крайней мере действительным статским советником (так как обычно за беспорочную службу при выходе в отставку давался следующий чин).

Возникает вопрос: знал ли обо всех этих фактах Достоевский? Думается, что знал. Более того, мог читать о них по крайней мере в одной и той же статье. В описании библиотеки Достоевского Л. П. Гроссмана среди изданий «Горя от ума», которые, возможно, были в библиотеке Достоевского, значится издание 1873 г. Н. В. Гербея.³ Это было 30-е издание комедии Грибоедова и

³ Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. М.; Пг., 1922. С. 24.

первое, где она была напечатана с соблюдением всех стихотворных правил при размещении стихов по стопам. За то, что именно это издание было в библиотеке Достоевского, говорит и тот факт, что у Федора Михайловича были и другие издания Гербеля: Шиллера, Шекспира, например, — а издание «Сонеты Шекспира в переводе Н. Гербеля» (1880) было подарено Достоевскому самим Гербелем с дарственной надписью.⁴

В этом издании «Горя от ума» есть написанный самим Гербелем биографический очерк о Грибоедове, в котором упоминаются все эти факты жизни Грибоедова, и Достоевский мог узнать их отсюда.⁵

Для мысли Достоевского часто характерен такой ход: «Что было бы если бы...». Так, в связи с Чацким Достоевский однажды писал: «Чацкий — крепостник» (16, 417), а в другом месте размышляет, как бы встретил его на каторге крепостной народ, если бы Чацкий попал на каторгу (24, 244). Видимо, и теперь Достоевский применил этот ход, только уже не к герою, а к автору «Горя от ума».

Если мое предположение верно, то это, наверное, единственная фраза Достоевского, касающаяся не творчества Грибоедова, а его личности, и Грибоедов оказывается здесь высокопоставленным чиновником, удачно делающим дипломатическую карьеру (именно так, кстати, только без указания на конкретное лицо и прокомментирована эта фраза в академическом издании). Грибоедов не чужд оппозиционных настроений, поэтому Черт, чтобы понравиться Ивану, хотел нацепить на фрак его орден, но настроения эти весьма умеренные, и поэтому Черт не стал надевать орден Льва и Солнца из опасения быть избитым за то, что не надел тогда Полярную звезду, шведский орден, название которого вызывает ассоциации с литературным альманахом декабристов и Герцена.

Так небольшая деталь в тексте романа помогает нам не только лучше понять одну из самых сложных и многозначных глав в творчестве Достоевского, главу «Черт. Кошмар Ивана Федоровича», но и полнее представить отношение Достоевского к Грибоедову, писателю высоко им ценимому, но вызывающему противоречивые чувства.

⁴ Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования // Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 529.

⁵ «Горе от ума». Изд. Н. Гербеля. СПб., 1873. С. 10, 23.